

Пролог

СТАРШИЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ ВОЛИН

Дорого бы мы дали, чтобы узнать, чего ждал от жизни старший следователь Орест Витальевич Волин на четвертом десятке законно исполненных ему лет. Старшие следователи, как известно, — люди удивительные, рядовым гражданам не чета. Наверняка они строят наполеоновские планы, лелеют какие-то особенные мечты и ждут чего-то необыкновенного — чего-то такого, что простому обывателю и в страшном сне не приснится.

Но, видимо, и среди старших следователей встречаются исключения. К таковым, судя по всему, относился и Орест Волин. Несмотря на свой статус, ничего особенного от жизни он не ждал. Не ждал, что выиграт в лотерею миллион, не ждал, что усыновит его Роман Абрамович или хотя бы Ким Кардашьян влюбится в него по уши и сделает ему такую же пластику, как у нее самой. Не надеялся он даже на то, что ближе к пенсии назначат его главой отдела вместо полковника

Щербакова, который к тому времени умрет от старости и болезней.

Ничего этого, повторяю, не ждал работник Следственного комитета Орест Волин. Но менее всего он ждал того, что случилось утром в понедельник, и, прямо скажем, удивило его, и даже слегка перевернуло его представление о культурной жизни города. Нет, странно было не то, что человека убили, — это случается, к этому привыкли даже обыватели. Не удивляло и то, что убили его в тишайшем музее Булгакова — что ж, видели мы и не такое, не зря квартира эта зовется нехошой. Но то, что труп после этого встал и ушел своими ногами, — такого, извините, не было даже в его богатой практике.

— Что значит — ушел? — переспросил Волин у работницы музея средних лет, взволнованной рыжей дамы с потеками туши на заплаканном лице. — И куда, простите, он мог уйти?

— Боже мой, да мне-то откуда знать, — закричала та, нервически подергивая глазом, — разве он меня спрашивал, куда ему идти?! Нет, не спрашивал, даже не поинтересовался, просто встал и ушел. Но если все начнут вставать и уходить, то что же это будет?! Как тогда жить бедной женщине — я вас спрашиваю, дорогие посетители? Где пиетет к святому месту, где уважение к старшим?

И она неожиданно зарыдала, размазывая по физиономии остатки туши. Волин на миг опешил, потом вспомнил, что поклонники Булгакова вообще отличаются некоторой непредсказуемостью, так что

на всякий случай надо быть начеку. Стараясь говорить голосом тихим и успокаивающим, он попросил отвести его в комнату, где был найден труп. Пока его вели по музею, который показался ему каким-то запутанным, Волин посматривал по сторонам.

— Из экспонатов ничего не похитили? — любопытствовал он.

— Ах, ничего я не знаю, ничего-то я не знаю! — заламывая руки, отвечала музейная мадам. — Но если и так, я не удивлюсь, нет, не удивлюсь! Убили и похитили, похитили и убили!

И на глазах у нее снова выступили слезы. Следователь чертыхнулся про себя: не хватало еще с припадочной возиться, ну как таких берут на работу в музей?

— А, может, в музеи только таких и берут! — вдруг проговорил кто-то мерзким голосом.

Волин изумленно завертел головой. Но вокруг никого не было.

— Это вы сказали? — спросил он у музейщицы.

— Да, наверное, — отвечала та растерянно. — Больше ведь некому. А что я сказала, простите?

Волин только головой покачал.

— Меня, кстати, Катерина зовут, — утерев слезы и улыбаясь жалобно, вдруг объявила дама. — Можно просто Катя. А вас как изволите величать?

— Старший следователь Волин меня величать, — отвечал он. — Можно просто Орест Витальевич.

Она снова улыбнулась, на этот раз кокетливо. И тут Волин вдруг обнаружил, что Катя — совсем

еще не старая женщина и даже по-своему интересная. Может, пригласить ее в театр? Да вот хоть прямо сегодня вечером. В МХТ, на «Белую гвардию» пригласить — почему бы и нет?

Тут он случайно ударился ногой о какой-то комод, и от боли в голове у него прояснилось. Ах ты, черт, подумал он ошеломленно, наваждение какое-то. Квартирка и впрямь нехорошая, надо быть поаккуратнее: оглянуться не успеешь, как очнешься в постели с незнакомой женщиной. Или, может, дело не в квартире вовсе, а в самой этой рыжей Катерине? Нет, правда, чего это она такая рыжая? Под Маргариту косит? А разве Маргарита рыжая была? Кажется, это Гелла была рыжая. Или Маргарита тоже? Тут Волин понял, что вконец запутался, и решил не думать о всякой не имеющей отношения к делу ерунде.

Здесь, кстати сказать, наконец стало ясно, отчего дорога по музею оказалась такой длинной: рыжая Катя не повела его прямо к месту происшествия, а привычно дала круг по всем комнатам, попутно пытаясь провести экскурсию. При этом Булгакова она называла не иначе как гением.

— Вот это — письменный стол гения, — говорила она голосом, чуть вздрагивающим от охвативших ее чувств. — Здесь гений писал свои гениальные произведения. А жена его... как же ее бишь? Татьяна Николаевна Лаппа... Или не Татьяна Николаевна, или уже Любовь Евгеньевна? Или все-таки Татьяна Николаевна? Черт их разберет, этих жен, — сказала она с неожидан-

ной злостью. — Одним словом, гений писал, а все остальные — буквально весь мир — все, все сидели у него на шее.

В другой комнате Катя обратила внимание следователя на трюмо, в котором при жизни гения наверняка отражался его бессмертный облик.

— Но сейчас тут ничего не отражается, — заметила она. — Это потому что покойники в зеркалах не отражаются, а Булгаков, как ни крути, покойник.

И какие-то диковатые искорки заплясали в ее глазах.

Тут Волин окончательно потерял терпение и вежливо, но решительно попросил сразу двинуться к месту происшествия. От такой грубости у Катерины глаза снова сделались на мокром месте, но спорить она не стала.

— Вот, — сухо сказала она, заводя его в очередную комнату, — тут он и лежал, прямо рядом с пианино.

На миг у Волина мелькнула шальная мысль, что речь все еще идет о писателе, который, возможно, упал здесь, застигнутый подлой болезнью уремии, от которой задолго до того скончался его отец, Афанасий Иванович Булгаков. Однако сразу стало ясно, что почтенное семейство Булгаковых тут и вовсе ни при чем: Катя говорила о том самом любителе погулять после смерти, ради которого и явился в музей старший следователь СК.

Волин поглядел туда, куда указывала музейщица, но, как и следовало ожидать, никакого тела

там не увидел. Зато он увидел нечто другое — нарисованный мелом контур, каким обычно обводят покойника перед тем, как удалить его с места происшествия.

— Это кто нарисовал? — удивился следователь. — Это вы нарисовали?

— Да как вы могли такое подумать! — Катерина, похоже, смертельно обиделась. — Как можно тут рисовать? Ведь это священное место, тут жил великий русский писатель Михаил Афанасьевич Булгаков...

— Хорошо-хорошо, — торопливо перебил ее Волин, боясь, что она снова начнет петь гимны гению. — А кто еще, кроме вас, был в музее, когда вы обнаружили тело?

Оказалось, что никого, кроме Кати, тут не было, потому что сегодня понедельник, то есть выходной день во всех музеях — в том числе и в музее Булгакова.

Волин хмыкнул. Но кто же тогда нарисовал контур? Убийца?

— Убийца, — согласилась Катя. — Или даже сам покойник.

Волин поднял бровь: это, простите, как?

— Это очень просто, — с готовностью отвечала та. — Предположим, его убили. После этого покойник полежал немного, потом очнулся, встал и нарисовал контур.

— Но как он может нарисовать контур вокруг самого себя? — Волин долго сдерживался, но тут все-таки разозлился.

— А как он мог встать и уйти после того, как его убили? — резонно заметила Катерина. — Это вас не удивляет, господин следователь?

Волин поиграл желваками.

— Хорошо, — сказал он. — Расскажите все по порядку, с самого начала. Вы пришли в музей и...

Катерина немного приосанилась.

— Да, — сказала она, — разумеется, я пришла в музей. Но я сделала это не сразу.

То есть как это — не сразу? Частями, что ли?

— Нет, не частями, — она поглядела на Волина с обидой. — Просто сначала я зашла в кафе — выпить чашечку кофе. Я всегда пью кофе перед началом рабочего дня, это заряжает меня энергией...

— Итак, вы выпили чашечку кофе и зашли в музей, — Волин попытался вернуть ее к сути дела.

— Ничего подобного! — гордо возразила Катерина. — После кафе я направилась в магазин, мне нужно было купить кое-что. Это предметы интимного назначения, и я бы не хотела раскрывать свои маленькие тайны... Впрочем, если следствие пожелает, я могу предоставить чеки на все имеющиеся у меня покупки. И, более того, могу даже показать цветные фотографии всего, что я в тот день приобрела — лишь бы только это помогло установить истину.

Она игриво стрельнула глазками, но Волин был уже так взбешен, что гипнозу не поддался и только зубами заскрипел.

— Давайте-ка, — процедил он, — начнем с того момента, когда вы вошли в комнату и обнаружили тело.

— Да, — сказала она и содрогнулась. — Я вошла в комнату и обнаружила там тело.

Катерина посмотрела на следователя широко раскрытыми глазами, и он увидел, что глаза у нее зеленые, как изумруд.

— Он лежал на животе, повернув лицо к двери. Из спины торчал нож.

Разглядела ли она его лицо? О, разумеется, это лицо впечаталось ей в память так, что ничем теперь не вытравить. Если бы она была художницей, она бы нарисовала это лицо в один миг. А все дело в том, что лицо покойника было ей знакомо.

— Вот как? — Волин сделал стойку. — И кому же оно принадлежало?

Этого Катя вспомнить не могла, как ни силилась. Однако она припомнила, что убитый был человек с гладко зачесанными волосами, лицо имел удлинненное, нос крупный, большой плотно сжатый рот и треугольный подбородок...

— Вы понимаете, что описываете Булгакова? — прервал ее Волин.

Она захлопала ресницами.

— Но это же не мог быть Михаил Афанасьевич? — сказала она с некоторым сомнением.

— Конечно, не мог, — Волин с трудом сохранял хладнокровие: Катерина явно валяла дурака. — Для этого ему надо было встать из могилы, обрости плотью, прийти сюда, воткнуть в себя нож, потом подняться и уйти.

— Ну да, — согласилась она, — а у вас есть более правдоподобная версия?

Тут Волин наконец понял, что с Катериной было не так. Как ни странно, она порождала в нем горячую смесь вожделения и раздражения. С одной стороны, ему страшно хотелось ее пристукнуть, с другой — затащить в постель. Но ни то, ни другое он позволить себе не мог — тем более, находясь при исполнении. Поэтому просто попросил продолжать, и она продолжила.

Увидев убитого, Катя очень испугалась и с криком побежала прочь. Забаррикадировалась на кухне и некоторое время сидела там. Из кухни она хотела позвонить в полицию, чтобы прислали роту ОМОНа, но мобильный как назло сел.

Немного придя в себя, Катя осторожно выбралась из кухни. Несколько минут раздумывала, не сбежать ли подобра-поздорову вон из музея. Но потом любопытство взяло верх, и она тихонько, на цыпочках, вернулась в ту самую комнату, где лежал убитый.

— И вы увидели... — начал Волин.

— И я увидела, — подхватила она, — что никого там нет. Совсем никого, от слова «вообще».

Волин кивнул. Дальше было понятно: она пошла звонить в Следственный комитет. Но Катерина опять возразила: никуда она не звонила, да и зачем звонить — убитого-то все равно нет.

Волин удивился: кто же тогда позвонил в СК? Этого Катерина не знала. Волин покачал головой и принялся за осмотр места происшествия. Однако осматривать особенно было нечего: следов борьбы или насилия никаких, тела, как уже

говорилося, нет и в помине, нет даже крови на полу. Но если из спины торчал нож, должна же быть кровь?

— Должна, — согласилась Катерина. — Но нету. И не было...

И вдруг закричала так, что даже выдержанный Волин вздрогнул.

— Я вспомнила, вспомнила! Покойник был похож на Сан Саныча!

— Какого еще Сан Саныча? — спросил Волин.

— Я вам сейчас все расскажу...

И она рассказала все, ничего не утаивая.

* * *

— Короче говоря, никакого убийства и никакого утра живых мертвецов, конечно, в музее Булгакова не было, — объяснил Волин полковнику Щербакову. — А был идиотский розыгрыш, к которому, вероятно, приложил руку некий Сан Саныч. Этот самый Сан Саныч уже давно воюет с музеем и вот в очередной раз решил отметить.

— Ну, и что с ним будем делать? — спросил полковник.

— А что с ним сделаешь? — пожал плечами Волин. — Он же ничего не украл, не разрушил. А за розыгрыши у нас пока уголовной статьи нет. Да и был ли на самом деле этот розыгрыш, неизвестно. Покойника ведь видела одна только Катерина.

— Что за Катерина такая? — вдруг заинтересовался полковник.

— Хороший вопрос, — вздохнул Волин. — Я, когда с ней разговаривал, решил, что она в музее работает. А когда зашел туда на следующий день, выяснилось, что такой сотрудницы у них нет и никогда не было...

У Волина зазвонил телефон. Он поднял трубку — на том конце оказался генерал Воронцов.

— Слушай, — сказал генерал, — у меня для тебя сюрприз. Я добрался до второй тетради твоего надворного советника. Ты стоишь или сидишь? Если стоишь, лучше сядь.

— Сергей Сергеевич, я не могу сесть, я у начальства... — начал было Волин, но Воронцов его перебил.

— Подождет твое начальство, — сказал он сурово. — Знаешь, что было во второй тетради?

— Откуда же мне знать? — Волин скорчил полковнику извиняющуюся физиономию: дескать, дедушка звонит, простите великодушно.

— Во второй тетради надворного советника оказался дневник Михаила Булгакова, — торжествующе заявил генерал.

— Что? — не понял Волин. — Какой еще дневник?

— Неизвестный, — отвечал Воронцов. — нигде и никогда не публиковавшийся...